

DOI: 10.31857/S0130386425010139

© 2025 г. А.В. ГОРДОН

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Е.В. ТАРЛЕ

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Scopus Author ID: 57193746873

Аннотация. Евгений Викторович Тарле (1874–1955), ученый дореволюционной научной формации, стал виднейшим историком в СССР, пройдя сложный творческий путь. Специализировался по всеобщей истории, занимался экономической историей, отдал дань «экономическому материализму». Под влиянием Первой мировой войны стал заниматься историей международных отношений, место экономики в его творчестве заняла geopolitika, а вместо социальных вопросов в фокусе оказались войны и дипломатия. Ученого привлекла типология власти в образах правителей. В оценке носителей власти на первый план вышла роль сильной личности. Ее олицетворением стал Наполеон в качестве величайшего в истории полководца. В характеристике личности подчеркивалось властолюбие в крайней форме деспотизма. Под пером Тарле деспотическая личность, пренебрегающая принятыми в обществе нормами человеческих отношений, оказывалась движущей силой истории. Не моральные суждения, а результаты деятельности правителя должны стать критерием в его оценке: такой вывод следовал из характеристики ученым другого любимого героя – Екатерины II. Аморальность царицы с лихвой, как был убежден Тарле, искупали завоевания России в ее царствование. Воззрения ученого на власть и роль сильной личности выражали особенности переживавшейся страной смены эпох с выдвижением новой правящей элиты и, в свою очередь, повлияли на историческое сознание советского общества.

Ключевые слова: Е.В. Тарле, историки, отечественная историография, роль личности, политические деятели, И.В. Сталин, Наполеон Бонапарт, Екатерина II, Б.С. Каганович, А.З. Манфред, политическая власть.

A.V. Gordon

Images of Political Power in the Work of Yevgeny Tarle

Alexander Gordon, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Scopus Author ID: 57193746873

Abstract. Yevgeny Tarle, a scholar of the pre-revolutionary academic formation, achieved prominence as the most renowned historian in the USSR, largely due to the dramatic trajectory of his career. His research focused on economic history, and he was an advocate of the “economic materialist” perspective. Additionally, he was a proponent of Russia’s democratic renewal. In consequence of the impact of the Great War, his attention shifted to the history of international relations. The study of geopolitics supplanted that of economics in his work; his research subsequently concentrated on military conflicts and diplomacy in lieu of social issues. The scholar’s

research focused on the typology of political power as manifested in the images of those who hold political office. The role of a strong personality became a prominent factor in the evaluation of those in positions of authority. Napoleon exemplified this quality as the most formidable military leader in history. His personality was characterised by an unwavering pursuit of power, which manifested in an extreme form of despotism. In Tarle's analysis, the despotic personality, which challenges the norms of human relations accepted in society, emerges as a pivotal force in historical processes. It is not moral judgement per se that is of consequence; rather, it is the results of the ruler's activity that should be the criterion in his assessment. This is a conclusion that may be derived from the historian's characterisation of his other favourite hero, namely Empress Catherine II. The immoral aspects of her behaviour were, in Tarle's estimation, offset by the historically significant Russian conquests that occurred during her reign. The scholar's perspectives on authority and the function of a dominant personality reflected the distinctive characteristics of the civilizational collapse experienced by the nation with the advent of a personal dictatorship and the designation of a new ruling class. Concurrently, in the collision of changing epochs, it can be posited that Tarle's interpretation of the historical process resonated with the altered expectations of Soviet society.

Keywords: Yevgeny Tarle, historians, Russian historiography, the role of personality, political figures, Joseph Stalin, Napoleon Bonaparte, Catherine II, Boris Kaganovich, Albert Manfred, political power.

В обширной биографической литературе о виднейшем советском историке Е.В. Тарле, 150-летие со дня рождения которого отмечалось в ноябре 2024 г., немалое место занимают его отношения с советской властью и персонально с И.В. Сталиным. В мемуарах и в научных работах распространены две версии этих отношений: Тарле – любимый историк вождя, Тарле – «жертва»¹. Обе версии имеют основание. Сталин выделил Тарле сначала в ряду других историков дореволюционной формации, обратившись к восстановлению исторического образования традиционного типа (с весомым добавлением партийной идеологии), затем оценил выдающиеся качества ученого в биографическом жанре, истории международных отношений и создании военно-патриотических произведений.

Такому повороту, однако, предшествовало громогласное осуждение «школы Тарле» сподвижниками М.Н. Покровского². Ученый подвергся уголовному преследованию, став одним из главных фигурантов академического дела³. В 1937 г. в связи с биографией Наполеона был обвинен в злостной фальсификации истории, а при опровержении этих обвинений квалифицирован «известным немарксистом» и буржуазным ученым⁴. Тогда же был обвинен в недостатке патриотизма⁵. Перелом внесла научно-педагогическая и политico-пропагандистская деятельность ученого во время Великой Отечественной войны. Он стал кавалером высших советских наград – трех орденов Ленина (а также Трудового Красного Знамени) и лауреатом трех Сталинских премий I степени. Тем не менее обвинения в недостатке патриотизма снова преследовали его. Тарле оставался невыездным и мог лишь с ностальгией вспоминать о любимой работе в заграничных архивах. Реабилитации по академическому делу он так и не дождался, она состоится только в 1967 г.

¹ Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И. Евгений Викторович Тарле: человек в тисках беззакония // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 108–127.

² Зайдель Г.С., Цвикац М.М. Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы. М.; Л., 1931.

³ Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1–2. СПб., 1998.

⁴ «Профессор Тарле, как известно, немарксист». Однако его книга о Наполеоне – одна из лучших «по сравнению с работами других буржуазных историков», – сообщала редакция «Известий» 11 июня 1937 г. Примерно то же поведала в сообщении от редакции «Правда». Обе эти публикации служили опровержению политических обвинений, содержащихся в вышедших накануне рецензиях А. Константинова и Дм. Кутузова (личности не установлены).

⁵ Кутузов Дм. Против фальсификации истории // Известия. 10.VI.1937.

Подобная драматическая «история историка» действительно заслуживает специального исследования, и оно остается незаконченным⁶, при том что усилия биографов немало прояснили событийную канву и то, как отношения с советской властью выразились в творчестве Тарле, как творчество историка повлияло на эти отношения. Задача моей статьи – выявить типологию власти, поскольку таковая нашла отражение в воссозданных пером историка образах выдающихся ее представителей. Дополнительный аспект исследования – образ собственно автора этих историко-политических портретов как идеолога определенной концепции власти. Необходимо, как сформулировал лучший биограф Тарле Б.С. Каганович, разгадать «загадку его личности»⁷. Требуется осмысление сложности творческого пути ученого: ведь к апофеозу власти как двигателя истории Тарле пришел через десятилетия научной и общественно-политической деятельности. В результате осознания глубокого перелома в жизни страны и в развитии международных отношений.

Ученый получил классическое историческое образование в одном из лучших университетов Российской империи – Киевском св. Владимира. Его руководителем был представитель прославленной «русской школы» исследователей аграрной истории Франции И.В. Луцицкий, прививший одаренному студенту навыки исследовательской работы и вкус к использованию архивных источников. Социально-экономической истории Франции в русле воспринятой научной традиции была посвящена защищенная в 1911 г. докторская диссертация Тарле «Рабочий класс во Франции в эпоху Революции», капитальный труд, основанный на многочисленных архивных документах и не утративший научного значения.

Однако, в отличие от классиков «русской школы» Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского и своего университетского учителя, Тарле заинтересовали политика и дипломатия, в конечном счете все, что тяготеет к феномену власти. Из глубоких размышлений о предпосылках Первой мировой войны, оплодотворенных анализом дипломатических документов, родилась книга «Европа в эпоху империализма 1871–1919 гг.» (1927). Под влиянием войны, сначала мировой потом гражданской, и революционных катаклизмов в России и Европе свершился мировоззренческий сдвиг в мышлении историка.

Ученый приходит к выводу, что объяснение исторического процесса, исходя из «национального начала», пригодно для «нормальных эпох», а время революционных переворотов, когда «государства, казавшиеся вечными, разлетаются в куски, государственная культура оказывается ничтожной пленкой» и мир охватывает «первозданный хаос», требует понимания «иррационального процесса истории». Иррациональность несет в себе стихия, «которую в другое время не видишь, а только подразумеваешь ее присутствие»⁸.

Понимание стихийности исторического процесса приводит Тарле к апологии сил порядка, которые обуздывают «первозданный хаос» в виде стихии разрушения, вздыбленной революционной волной и пронизывающей самую ткань общественных отношений. При этом историк, посвятивший молодые годы активной борьбе с царизмом, отнюдь не переходит на контрреволюционно-реставраторские позиции. Новый постреволюционный порядок должен, по его мысли, сохранить позитивный импульс социального переворота. И здесь на первый план выходит личность правителя, обуздывающего революционный хаос при сохранении революционных завоеваний.

Такой личностью предстает Наполеон в биографическом исследовании, принесшем ученому всесоюзную известность и непреходящую славу. Биография, как считают исследователи, была написана по неофициальному заказу Сталина⁹, притом обращение к образу французского императора отвечало интенциям самого автора, который еще до 1917 г. приступал к наполеоновской

⁶ См.: Анисимов О.В. Е.В. Тарле: личное отношение (Б.С. Каганович. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 12. С. 260–269.

⁷ Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014. С. 6.

⁸ Тарле Е.В. Россия и Запад. Из неопубликованного и забытого / сост., подгот. к печати, вступ. статья и коммент. Б.С. Кагановича. СПб., 2020. С. 32.

⁹ См.: Кен О.Н. «Работа по истории» и стратегия авторитаризма, 1935–1937 гг. // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. СПб., 1997. С. 108–117.

теме, в частности монографией о континентальной блокаде. Биография Наполеона открыла новую грань таланта ученого, став и важнейшим направлением творческого пути¹⁰.

Исходя из предшествовавшего периода творчества, затруднительно было бы причислить Тарле к историкам-баталистам. И тем не менее именно полководческая деятельность «вождя войск послереволюционной Франции» послужила историку главным источником вдохновения. Тарле находил для оценки военных талантов Наполеона впечатляющие эпитеты: «неподражаемый мастер и художник в деле войны», «виртуоз военной стратегии и тактики», наконец – «гениальный из всех, когда-либо существовавших до того времени великих полководцев» (с. 357).

Наполеон характеризуется как великолепный администратор, создавший в подчиненной Европе эффективное управление и образцовый порядок. И как «гениальный законодатель», установивший во Франции после революционных потрясений правовую систему («Кодекс Наполеона»). Все же отнюдь не гражданская область приложения наполеоновских талантов оказалась в центре жизнеописания французского императора. Провозглашая Наполеона уникальным явлением, Тарле видел эту уникальность главным образом в организации огромных многонациональных армий и непосредственном командовании вооруженными массами.

Увлеченность Тарле не доходила до апологетики. Он указывал на захватнический и грабительский характер войн империи, критиковал допущенные просчеты и типичные слабости; но при том объективно и квалифицированно выявлял особенности Наполеона как «военного вождя». Колоритный термин для императора, вполне созвучный переживаемой советским обществом эпохе!

Сводная характеристика Наполеона-полководца привлекает углубленностью историка в изучение специальных вопросов, да и сейчас может представлять интерес с военно-исторической точки зрения. Наполеон, пишет Тарле, обобщил и развил то, что явили войны Французской революции, и прежде всего под их влиянием заключил, что «в конечном счете массы решают все» (с. 389), а это означало, в понимании императора, создавать массовые армии, вооружать и обучать «большие батальоны» и не щадить их для успеха в решающем сражении¹¹.

Пересматривая стратегические каноны с учетом такого феномена, как массовая армия, император, по Тарле, не впал в крайность недооценки военного профессионализма. Придавая большое значение численному превосходству, Наполеон делал упор на искусство военачальника создать его в решающий момент и на решающем участке, порой даже рискнув при этом «временным ослаблением коммуникационной линии» (с. 391).

Прославившийся еще в 1793 г. при штурме Тулона искусствой расстановкой артиллерийских батарей, Наполеон хорошо понимал роль этого рода войск в исходе сражений. Обратил он внимание и на значение прицельной стрельбы пехоты, введя такое новшество, как индивидуальное обучение солдат стрельбе. Огонь стрелковых подразделений в авангарде наступающих главных сил использовался для наращивания огневой мощи армии. Стратег и мыслитель, император получал: «Теперь сражения решаются огнем, а не рукопашной схваткой» (с. 385).

Приверженец военного единоличия, Наполеон позволял своим маршалам и генералам проявить инициативу, возлагая надежду на выполнение ими его планов, выдвигая наиболее способных из них. Дисциплину в армии поддерживал не столько наказаниями, как в английской: порядки в ней, особенно телесные наказания, он решительно осуждал, сколько поощрениями. За воинские доблести щедро награждал солдат, которые отвечали ему любовью и преданностью. Боевой дух Наполеон поддерживал, не в последнюю очередь выказывая личное мужество. Презирая смерть, попадал под неприятельский огонь, несколько раз был ранен, в том числе от удара штыком.

¹⁰ Тарле Е.В. Наполеон // Тарле Е.В. Сочинения: в 12-ти т. Т. 7. М., 1959. Дальше, за исключением оговоренных случаев, цитирую, указывая в скобках пагинацию, это издание (которое представляет перепечатку последнего прижизненного издания) монографии Тарле о Наполеоне. С учетом того, что текст первого издания 1936 г. (главным образом введение) претерпевал редакционную правку в соответствии с рекомендациями официальной критики (см.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле).

¹¹ «Большие батальоны всегда правы (les gros bataillons ont toujours raison)» было «одной из любимых поговорок Бонапарта», – пишет Тарле (с. 92).

И боевой дух в лучших частях армии, как показывает Тарле, сохранялся в самых тяжелых испытаниях. Оспаривая распространенную в современной ему советской историографии картину панического отступления наполеоновской армии зимой 1812 г.¹², историк прибег к записям Дениса Давыдова. Французы отступают, измотанные болезнями, голодом и холодом; казачья конница наносит им серьезный ущерб; тем не менее императорские гвардейцы демонстрируют замечательную выручку, сохраняют стойкость и высокое присутствие духа. Перед лицом неприятеля они, отстреливаясь, шли, как на параде. «Никогда не забуду, — вспоминал герой войны 1812 г., — свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти испытанных воинов... Все наши азиатские атаки не оказывали никакого действия против сокрушенного европейского строя» (с. 285).

Наполеоновские войны до определенного момента характеризуются как своего рода экспорт Французской революции: освобождение крестьян от крепостного права, провозглашение равенства всех сословий, повышение благосостояния населения. Это один из центральных пунктов книги, который автор защищает с большим полемическим пафосом: «Отрицать очевидный и безусловный факт, что страшный разгром феодально-абсолютистской Европы Наполеоном имел огромное, вполне положительное, прогрессивное историческое значение, было бы нелепой ложью, недостойной сколько-нибудь серьезного ученого» (с. 22). Изобилие эпитетов — свидетельство того, что этот тезис Тарле приходилось защищать вопреки известным идеологическим установкам¹³.

Роль Наполеона в истории была обусловлена, подчеркивал ученый, особой обстановкой в мировой истории, во Франции и в Европе, на переходе от XVIII в. к XIX в. (с. 22–23). Здесь следует искать, по Тарле, истоки и взлета, и падения Наполеона. О взлете: «Наполеон был несокрушим, и всякая борьба против него неизменно кончалась гибелью его противников, пока он выполнял свою роль “хирурга истории”, ускоряющего торжество исторических прогрессивных принципов, пока он уничтожал огнем и мечом обветшалый и без того осужденный на слом европейский феодализм» (с. 17).

В определении причин краха наполеоновской империи ученый был немногословен, возможно, прямолинеен, но, безусловно, убедителен. Роковым стал замысел подчинения всей Европы и создания мировой державы, обернувшийся образованием мощной антифранцузской коалиции. Даже если бы не ряд фатальных случайностей, даже в случае победы под Ватерлоо, конец был бы тот же самый, убежден историк. «Империя погибла бы потому, что Европа только начинала развертывать все свои силы, а Наполеон уже окончательно истощил и свои силы, и военные резервы» (с. 357).

Представляется между тем, что живописание даже столь выдающейся деятельности: выразительный, достоверно выписанный, обоснованный источниками и литературой фон, подчинено главной задаче автора — воссозданию собственно образа Наполеона как типа правителя. Император, в реконструкции Тарле, политический деятель, для которого власть — высшая цель в жизни, и тот всеми силами стремится к ней, убирая все и всех на своем пути. «Власть и слава — вот были личные основные его страсти, и притом власть даже больше, чем слава» (с. 398).

Натура Наполеона, «движущие силы его психологии» — деспотизм в его крайних проявлениях. Изобличая своего героя во властолюбии, историк не скучится на эпитетах: «деспот по натуре», «самодержец с ног до головы», «прирожденный самодержец» (с. 107–108). Самодержец из самодержцев: «Если существовал когда-нибудь на свете деспот, органически не способный ужиться с каким-либо, хотя бы скромным, но реальным ограничением своей власти, то это был именно Наполеон» (с. 98).

¹² О различных версиях этих событий см.: Постникова А.А. Великая армия Наполеона на Березине: событие — память. СПб., 2014.

¹³ Этот тезис с незначительными стилистическими изменениями Тарле защищал даже во введении к изданию 1941 г., где под влиянием советской пропаганды о вступлении Франции во Вторую мировую войну, «империалистическую», как называли в СССР, делались наибольшие уступки трактовке Наполеоновских войн «империалистическими» (Тарле Е.В. Наполеон. М., 1941. С. 6).

Оглушающий набор эпитетов — очевидное свидетельство полемики. С кем? С историками левого направления, с известной традицией, представлявшей Наполеона преемником Революции в ее якобинском периоде: чуть ли не «Робеспьером на троне». По необходимости Наполеон, пишет Тарле, «еще мог терпеть первое время... существование некоторых чисто внешних пережитков буржуазной республики. Но как только стало возможным, он вымел прочь все, что оставалось от республики, и круто повернул к окончательному обращению Франции в военную деспотию и к превращению Европы в конгломерат рабски подчиняющихся этой военной деспотии вассальных царств, колоний и полуколоний» (с. 108). Прибегая к нормативной классовой лексике, биограф провозглашает, что его герой «сознательно» держал курс на установление «крупнобуржуазной монархии» (с. 107).

Отчетливо ощущается избыточность подобных определений, навязчивость в их представлении. Выступая приверженцем имперско-державной традиции, автор явно диктует свою точку зрения читателю, остающемуся верным революционно-республиканской традиции. И такой читатель, приверженец последней, вполне понимает адресованный ему посыл. Деятельность героя книги Тарле, писал еще о первом ее издании один из критиков, «во все периоды... окрашена в один цвет, наполнена одним содержанием: деспотизмом»¹⁴. И главное, по мнению до-тошного критика, представление властолюбия «ключом понимания исторической роли» Наполеона упрощает эту роль¹⁵.

Деспотизм героя-правителя в результате героизировался, оказываясь движущей силой исторического процесса. Разумеется, не в апологии буржуазии как восходящего к своей мировой роли класса и не в акцентировании роли в этом восхождении императора, о чем тоже сказано в угоду классовому подходу, пафос произведения Тарле. Читателю должно было так или иначе передаться восхищение таким, по автору, «удивительнейшим явлением мировой истории». А, может быть,— преклонение перед эманацией в нем «мирового духа», по Гегелю?

«Я видел, как через город на рекогносцировку проехал император, эта “мировая душа” (*diese Weltseele*)» (с. 402),— не преминул поведать советскому читателю слова немецкого философа Тарле и, присовокупляя оценку другого великого современника той эпохи, писал: «Правильно сказал о Наполеоне поэт Гете: для него власть была то же самое, что музыкальный инструмент для великого артиста» (с. 92).

Замечательно сказано; между тем «инструментализация» власти делает последнюю дополнением к характеристике правителя, не определяя природу личности, и потому утверждения в «прирожденности» деспотизма как бы провисают. А.В. Суворов среди первых в России оценил полководческий талант генерала Бонапарта. И притом, в меру хлебнув превратностей высшей власти, предостерег от обращения к политике как от пагубы¹⁶.

Возникает неизбежный вопрос, как политическая власть сделалась для генерала Бонапарта «инструментом», когда полнота государственной власти стала осознаваться необходимой для успешного военачальника. У Тарле генерал «отплыл из Египта с твердым и непоколебимым намерением низвергнуть Директорию и овладеть верховной властью в государстве» (с. 74). «С какого времени Бонапарт стал сознательно, планомерно стремиться к установлению своей диктатуры в форме монархии или близкой к ней иной форме организации государственной власти?» — задавался вопросом другой советский биограф Наполеона А.З. Манфред. И отвечал с симптоматичными оговорками: «по-видимому», «вплотную подошел» после «кризиса IX года» (1798–1799)¹⁷. Датировка тождественна: логично Манфред считал поставленный вопрос малозначимым в историческом плане, однако историографически острым. С точки зрения оценки личности Наполеона, бесспорно!

Впрочем, и с исторической точки зрения считаю исключительно важным, что пробуждению диктаторских амбиций у генерала Бонапарта способствовали запросы среди

¹⁴ Адамов Е.Е. Тарле. «Наполеон» // Исторический журнал. 1937. № 3–4. С. 244.

¹⁵ Там же. С. 242.

¹⁶ Суворов А.В. Письма / сост. В.С. Лопатин. М., 1986. С. 312.

¹⁷ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1972. С. 415.

политической элиты Республики. «Правление одного человека, которое всего несколько лет назад вызывало ужас... начинает восприниматься как один из вариантов (и весьма предпочтительный) спасения Республики», — характеризуют ситуацию в начале 1799 г. Д.Ю. Бовыкин и А.В. Чудинов. «Нужна шпага», — решили в верхах власти, и выбор пал на Бонапарта, как «генерала Вандемьера» и «самого гражданского¹⁸ среди военных»¹⁹.

Вырисовывается историографическая, точнее эпистемологическая (этого термина не было в советской историографии времен Манфреда), развилка. Можно объяснять путь генерала Республики к перевороту 18 брюмера, отталкиваясь от политической ситуации, настроения новой элиты, интересов пришедших в движение различных слоев французского общества. Или исходить из властолюбия Наполеона Бонапарта, его природных качеств. Тарле избрал второй вариант, и внешние обстоятельства могли повлиять на его выбор.

В первом случае приходилось бы задействовать «классовую арифметику». Тарле, как видим, «вбрасывал» в биографию оценки «буржуазности», даже «крупнобуржуазности» своего героя в смысле служения соответствующим классовым интересам. Но в идеологическом климате времени требовалось полнейшее разоблачение классовой сущи. В биографии Наполеона, возмущался высокопоставленный критик, Тарле оправдывает своего героя, даже восторгается им «вместе со всеми отрицательными — более того отвратительными (sic!) чертами, которыми был наделен Наполеон, представлявший собой плоть от плоти, кость от кости своего класса»²⁰.

Разумеется, подобный классовый анализ в духе «школы Покровского», с наследием которой он боролся всю свою советскую жизнь, был совершенно неприемлем для Тарле-историка. Оставалось обратиться к природным качествам собственно Наполеона-человека, а не к воплощению буржуазной классности. Восхищался ли он, живописуя деспотизм и иные «прирожденные» качества Наполеона? У современного политолога-франковеда прямо противоположное мнение. Признавая «гениальную одаренность» Наполеона как полководца и государственного деятеля, Тарле, по словам Ю.И. Рубинского, «суворо клеймил его глубокий эгоизм, безграничное честолюбие и властолюбие, абсолютную аморальность при выборе способов достижения целей, жестокость и равнодушие к судьбам миллионов людей, приносимых в жертву имперской мании величия, которая привела... Францию к катастрофе»²¹.

Эмоциональность оценок — свидетельство характерной и притом идентичной реакции двух разных людей из области политики на утрированность отмеченных черт в облике Наполеона. Нет, Тарле не восторгался «отвратительными» чертами личности героя и не «клеймил» его. Историк, мое мнение, выказывал свое представление о «человеке власти». И это представление больше относилось к характеристике самой власти, создавая типичные «нестыковки» в облике конкретной личности «человека власти».

Подобные «нестыковки» замечали многие, по-разному определяя их характер. Один из первых рецензентов, бывший сподвижник Покровского академик Н.М. Лукин поддержал Тарле с точки зрения «общих установок» в принципиальном вопросе о двойственности отношения Наполеона к революционному наследию. Вопреки вброшенной сверху догме «душителя революции!» При этом Лукин обратил внимание, что и в биографии Наполеона есть противоречие между «общими установками» классового характера и выявлением природы личности²².

Еще одна «нестыковка» в развитии темы «прирожденного деспотизма» — «полная беспощадность в борьбе». Таковая, по Тарле, была «характернейшей чертой Наполеона». Притом соответствовавшая типу «прирожденного despota» такая «беспощадность» оказывается на поверку благоприобретенной — в борьбе сначала за независимость Корсики, а затем за власть

¹⁸ Имелись в виду, очевидно, качества гражданственности и верность революционным завоеваниям, продемонстрированная при подавлении Вандемьерского мятежа (3–5 октября 1795 г.).

¹⁹ Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. М., 2020. С. 385, 387–388.

²⁰ Константинов А. История и современность (по поводу книги Е. Тарле «Наполеон») // Правда. 10.VI.1937.

²¹ Рубинский Ю.И. А.З. Манфред и Франция // Французский ежегодник. 2006. М., 2006. С. 42.

²² Лукин Н.М. Рец. на книгу Е. Тарле «Наполеон» // Лукин Н.М. Избранные труды: в 3-х т. Т. 1. М., 1960. С. 496–505.

во Франции. В доказательство приводятся собственные слова Наполеона: «Во мне живут два разных человека: человек головы и человек сердца. Не думайте, что у меня нет чувствительного сердца, как у других людей. Я даже довольно добрый человек. Но с ранней моей юности я старался заставить молчать эту струну», — исповедовался Наполеон «одному из людей, к которому благоволил» (с. 41).

Наполеон, утверждает Тарле, «принципиально отвергал доброту, считал ее качеством, которое для правителя прямо вредно». В «опровержение известного афоризма», предпочитал «скорее покарать десять невиновных, чем пощадить или упустить из рук одного виновного» (с. 93)²³. Между тем наполеоновская беспощадность иллюстрировалась главным образом примерами расправы с бандитизмом, казнокрадством или мятежами. Тарле отмечал (пожелание кремлевскому диктатору в начале Большого террора?) сугубую умеренность императора в отношении политических репрессий, очевидное снисхождение к эlite и стойкое неприятие практики огульного террора (в которую выродилась якобинская диктатура).

«Наполеон очень хорошо умел быть жестоким» (курсив мой. — А.Г.), когда находил это нужным, оставаясь вполне холодным и спокойным (с. 110). «В нем не было жестокости как страсти, но было полнейшее равнодушие к людям, в которых он видел лишь средства и орудия. И когда жестокость, коварство, вероломный обман представлялись ему необходимыми, он их совершал без малейших колебаний», — уточняет Тарле (с. 397).

Итак, жестокость Наполеона не природное качество натуры, а свойство власти, коей он был наделен. Иначе говоря, образ власти в понимании Тарле. «Равнодушие к людям», толкование их «средствами и орудиями» ложится в заданный биографом образ власти. Однако не вполне сходится с образом конкретной личности, как таковая воссоздается в его произведении. Заметно Наполеон выделял людей, с которыми, по Тарле, мог быть откровенным. Пусть даже, по Тарле, их было немного; но именно они оставили самые ценные свидетельства о природных качествах Наполеона.

Симптоматично, как под пером историка, вопреки схеме, пробивается сентиментальность Наполеона. Вот он оплакивает гибель своих боевых товарищей, слезы появляются на его глазах, когда ему сообщают о смерти Дезэ, дивизия которого своим натиском переломила ход битвы при Маренго, или когда на его руках умирал маршал Ланн — сама по себе уже яркая деталь. Но боевые сподвижники видели слезы своего главнокомандующего лишь дважды, настаивает Тарле. Наполеон понимал: ему «нельзя плакать» (с. 105). Обобщенный образ власти еще раз расходится с личностью «человека власти».

Не одно поколение историков и читателей поражало, в трактовке Тарле, поведение его героя в интимно-эмоциональной сфере, нарочито пренебрежительное отношение к женщинам. Мало сказать, биограф недооценил тему «Наполеон и женщины»; создается впечатление, что он от нее отдался. В первой главе читаем: «Чтобы уже покончить (в самом начале книги! — А.Г.) с этим вопросом... скажу, что ... никто вообще из женщин, с которыми на своем веку интимно сближался Наполеон, никогда сколько-нибудь заметного влияния на него не только не имели, но и не домогались... Беспрекословное повиновение и подчинение его воле — вот то необходимейшее качество, без которого женщина для него не существовала» (с. 42–43).

Даже современники из той эпохи победоносного колlettivизма и подавления частной сферы отметили, что сведение личности Наполеона к властолюбию чрезмерно упрощает собственно человеческую личность, крайне обедняя эмоциональную сферу. Рецензент из научно-популярного журнала констатировал: герой Тарле лишен полноценной частной жизни и всей интимно-эмоциональной сферы с нею связанной, подчинение властолюбию собственно любовной сферы достигается «ценой частичного умерщвления личности Наполеона»²⁴.

Примечательно, что Тарле прямо противопоставлял свой подход к воссозданию исторической личности приемам современной ему французской историографии. Он недоумевал, почему Луи Мадлен, выявив значение политических расчетов Наполеона во втором браке, присовокуплял

²³ Эту фразу современники слышали и от Сталина в период Большого террора.

²⁴ Адамов Е.Е. Указ. соч. С. 244.

к этому анализу сравнительную характеристику внешности Марии-Луизы и Жозефины. Советский историк объяснил это особенностью французской публики: без любовной темы никто читать не будет²⁵.

Между тем Жозефина Богарне, а с нею женственность и женская тема вообще получили полноценную реабилитацию под пером автора биографии Наполеона из 1970-х годов. Историка из другого, более человечного, точнее, менее порабощавшего человека публичной сферой и более обращенного к частной жизни, времени. «Жозефина, — пишет Манфред, — оставалась единственной женщиной, может быть, даже единственным человеком, сохранявшим влияние на Бонапарта... В той трудной и сложной игре, которую... вел Бонапарт, она ему помогала больше и лучше, чем кто-либо иной... Была самым умелым, самым надежным союзником и другом»²⁶.

Духовный мир Наполеона Бонапарта у Манфреда оказался богаче и по отношению к науке и ученым. «Наполеон, — пишет Тарле, — любил хвалиться тем, что покровительствует наукам. Он осыпал милостями математиков, химиков, астрономов, физиков, очень благосклонен был к египтологам, потому что начало научной египтологии связывалось с его походом в Египет. Но... ценил чисто утилитарные результаты научной деятельности» (с. 124).

Между тем по инициативе командующего, пригласившего большую группу ученых принять участие в египетской экспедиции, — знаменательный культурно-исторический факт сам по себе — на флагманском корабле по пути в Египет обсуждались самые разные, в том числе мировоззренческие проблемы. Иначе говоря, Наполеон Бонапарт проявлял широкую научную и житейскую любознательность, совершенно, кстати, естественную для образованного человека «философского века». И опять же органичной чертой наследия эпохи Просвещения оказывались для Наполеона признание и уважение в сообществе ученых.

«Из всех наград и отличий, выпавших на долю Бонапарта (после Итальянской кампании 1796—1797 гг. — А.Г.), — пишет Манфред, — избрание в Институт²⁷ доставило ему наибольшее удовольствие. Он аккуратно посещал все заседания... охотно беседовал с учеными, в особенности с математиками». Даже в приказах по армии подписывался: «Бонапарт, член Национального Института, командующий английской армией (т.е. армией вторжения на Британские острова. — А.Г.)»²⁸.

Задумаемся: восхищение личностью Наполеона у его выдающихся биографов разных периодов советской истории вполне сопоставимо. Так почему же личность у них получилась столь неоднозначной? В различии ли эпох только дело? В политическом смысле, безусловно. Разоблачение культа Сталина не могло не затронуть концепцию выдающейся исторической личности. Притом не назвал бы Тарле «сталинистом» в привычном смысле слова. Не политическая конъюнктура тяготела над ним, а нечто в глубинах мировосприятия. Соглашусь с Б.С. Кагановичем: убеждение в «огромной роли сильной, выдающейся личности» пребывало в историософской «органике» ученого²⁹.

Историк сформировался на переломе эпох, и возникшие на этой судьбоносной развилке убежденность в непредсказуемости истории, скепсис в ее следовании каким-либо объективным законам побуждали обратиться к субъектности, искать мировоззренческую и жизненную опору в сильной личности правителя. В образах власть предержащих в конечном счете героизировалась сама власть. И потому у историка образы его героев оказывались как бы усеченными, сфокусированными на одной черте — властолюбии.

То, что герой выглядит под его пером непривлекательной в человеческих отношениях личностью, Тарле сознавал и давал этому провокационное, я бы сказал, толкование, которое приложил к сподвижнику Наполеона. «Талейран был вором, взяточником, гнусной в моральном

²⁵ Шапиро А.Л. Мои встречи с Е.В. Тарле // Тарле Е.В. Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981. Приложения // URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000187/st058.shtml> (дата обращения: 25.10.2024).

²⁶ Манфред А.З. Указ. соч. С. 419—420.

²⁷ Французский эквивалент Академии наук.

²⁸ Манфред А.З. Указ. соч. С. 196.

²⁹ Каганович Б.С. Введение // Тарле Е.В. Россия и Запад. С. 12.

смысле личностью», — соглашался он с критикой своей книги (1939) об этом деятеле. Однако в «борьбе против феодализма и абсолютизма играл прогрессивную роль». Современники отлично уловили предложенную историком этическую дилемму власти, восприняв ее как еще одну вариацию на бессмертную тему «гений и злодейство». «Е.В. Тарле, — писал один из рецензентов, — положил в основу характеристики личности и деятельности князя Талейрана точную формулу: «чудовищная моральная низость при бесспорно прогрессивной исторической роли»³⁰.

«Исторических деятелей нужно не защищать, не обвинять с высоты собственного морального совершенства, а понимать и оценивать их объективную историческую роль»³¹, — формулировал Тарле свое методологическое кредо. В дальнейшем, в главах неоконченной книги, посвященной Екатерине II, Тарле развивает свою мысль. В отношении государственных деятелей обычные человеческие качества, как и нормы морали, не важны: «решающий и безапелляционный суд при их жизни, а часто и после их смерти произносили над историческими деятелями только и исключительно... результаты их действий»³². Царица для Тарле «властолюбивая хищница», искусная интриганка, без зазрения совести расправлявшаяся с теми, кто ей мешал. Но эти и другие ее грехи с лихвой искупает то, что она «необъятно широко раздвинула пределы Русского государства»³³.

К екатерининскому веку Тарле обратился еще до Первой мировой войны в журнальной статье, где характеризовалось опирающееся на изобилие естественных ресурсов «экстенсивное могущество» Российской империи, которое достигло апогея в царствование Екатерины II³⁴. Обратившись повторно к деятельности последней, Тарле под несомненным влиянием событий Второй мировой войны писал, что благодаря расширению границ Россия, единственная в Европе, получила «колossalные плацдармы для организации длительной самообороны». И в прямое продолжение темы «экстенсивного могущества» подчеркивал, что расширение территории многократно увеличило «наиболее плодородную пахотную и скотоводческую земельную площадь государства»³⁵.

Имперско-державный пафос, присущий статье 1910 г., обретя, как видим, новые черты, с удвоенной силой зазвучал в набросках биографии императрицы 1945 г., подтверждая фундаментальную целостность мировосприятия историка при всех драматических переломах российской истории и очевидном приспособлении ученого к идеологической ситуации в стране³⁶.

Трактовка личности Екатерины II видится ретроспективным контрапунктом апологии Наполеона. В образе царицы раскрывается тип политического деятеля, добивавшегося больших успехов благодаря реалистической оценке geopolитической ситуации и соотношения задействованных в ней сил. В основе был инстинкт, благодаря коему Екатерина никогда не упускала из виду «черту, отделяющую возможное от невозможного». И этим «драгоценным» для «всякого человека власти» качеством она отличалась, подчеркивает Тарле, даже от «превосходивших ее своим гением» Наполеона и Петра I³⁷.

Замечательно с точки зрения проецирования образа власти в личностную характеристику, что этой трезвости в политических расчетах царица достигала благодаря хладнокровию, и «холодный, ясный» ум, уверен Тарле, следствие неизмененного душевного равновесия. А оно

³⁰ Сторицын П.Е. Е. Тарле и его «Талейран» // Литературный современник. 1940. № 1. С. 142.

³¹ Тарле Е.В. Еще о Талейране // Литературная газета. 30.IX.1939.

³² Тарле Е. В. Россия и Запад. С. 217.

³³ Там же. С. 216.

³⁴ Тарле Е. В. Была ли екатерининская Россия экономически отсталою страною? // Тарле Е. В. Сочинения: в 12-ти т. Т. 4. М., 1958.

³⁵ Тарле Е. В. Россия и Запад. С. 216–217.

³⁶ Противоречивость взаимодействия имперско-державной традиции, активным приверженцем которой выступал Тарле, с идеологической традицией, унаследованной советской властью от революции, отчетливо выявилась во время Великой Отечественной войны (см.: Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 120–174).

³⁷ Тарле Е. В. Россия и Запад. С. 219.

проистекало из «абсолютного отсутствия чего бы то ни было похожего, хотя бы отдаленно, на укоры совести»³⁸.

Тарле до конца остается поклонником гения Наполеона (помещая с ним на одну историческую шкалу первого российского императора), но идеальный для историка образ «человека власти» – это царица. Ученица Петра I, она с ее самообладанием никогда бы не попала в такое «поистине ужасающее положение», как царь в 1711 г. на берегу Прута³⁹. Историк очень бы не хотел, чтобы его обвинили в принижении основателя Российской империи – тот своей исторической деятельностью открыл дорогу достигнутому Россией при Екатерине; однако убежден, этих достижений не было бы без реализма в geopolитических расчетах последней. При Петре Россия в территориальном отношении оставалась более похожей на Московское царство, при Екатерине стала великой европейской державой⁴⁰. Завоевания ее царствования оказываются в немалой мере следствием ее личных качеств как «человека власти». И эта деятельность имела всемирно-историческое значение: «экстенсивная мощь русской империи» сделалась «одним из важнейших и грандиознейших феноменов всемирной истории»⁴¹.

А каковы итоги деятельности основателя Французской империи? В смысле завоеваний – ничего, еще хуже при низведении страны на второстепенную роль в европейском «концерте держав». Что избежало забвения? В конечном счете личность человека, оказавшегося вровень со своей величественной и бурной эпохой и сумевшего в ней реализоваться с такой мощью, что всю ее с известным основанием называют его именем.

«Наполеон был деспот, но умный деспот, завоеватель, а не мародер, государственный человек, гениальный законодатель». И к своей исторической роли «он готовился на полях победоносных битв, совершая бессмертные в военной истории... подвиги». Он «был способен на тиранические действия, на самые жестокие дела», проливал «без конца человеческую кровь», вел «захватнические, вопиющие, несправедливые войны». Но ГЛАВНОЕ, цитировал Тарле лидера Либеральной партии Англии лорда Арчибалда Розбери, автора книги о последних годах жизни Наполеона: «До бесконечности раздвинул то, что до его появления считалось крайними пределами человеческого ума и человеческой энергии» (с. 19)⁴².

Итак, дискуссия о Наполеоне, инициированная творчеством Тарле и отразившаяся в нем, подвела в конце 1930-х годов к очевидному рубежу. Олицетворенная и вместе с тем обезличенная власть в образе прогрессивного правителя, преодолевающего классовую обусловленность и ограничения общечеловеческой морали, – вот, кто представил советской общественности как движущая сила истории. И это не могло не отразиться, в свою очередь, на представлении о самом ученом.

Никакого «грехопадения» Тарле с обращением к образу Наполеона я не вижу. Разумеется, правы биографы: психологическая травма, пережитая историком во время академического дела, не могла не отразиться на его творчестве в сторону приспособления к реалиям «сталинщины». Но элементы культа силы и сильной власти выявлялись у историка задолго до «заказного» обращения к биографии Наполеона.

«Главный грех перед историей, единственный грех, за который она карает, – это слабость»⁴³, – формулировал историк еще летом 1917 г. Подобный вывод был естествен для аналитика перипетий мировой войны, реалистически оценивавшего причины катастрофических неудач на фронте сначала царской власти, с которой Тарле боролся, затем Временного правительства, которое он поддерживал. В условиях июльского кризиса 1917 г. Тарле как на панацею ссылался на яко-

³⁸ Там же. С. 191.

³⁹ Там же. С. 219.

⁴⁰ Когда Екатерина «вступала на престол, она застала страну, даже учитывая завоевания Петра, все же более похожую... на былое царство XVII в., чем на великую русскую державу» (*Тарле Е.В. Россия и Запад*. С. 217).

⁴¹ *Тарле Е.В. Была ли екатерининская Россия...* С. 443.

⁴² Этую цитату, подчеркивая ее важность, Тарле приводит дважды: во введении и в заключение своей биографии Наполеона.

⁴³ *Тарле Е.В. Россия и Запад*. С. 377.

бинский террор, на Робеспьера, на «великие тени героев французской революции», которые «не боялись пожертвовать ни чужою, ни своею жизнью, когда считали это необходимым». Бывший советский академик рекомендовал во имя спасения Родины и защиты революционных завоеваний организовать «суворейшую, нелицеприятную, беспощадную судебную расправу», включая пресечение деятельности большевистских и иных радикальных агитаторов⁴⁴.

Тарле образца 1917 г. был готов, я думаю, к тому восприятию террора как эффективного орудия власти, которое в 1936 г. он выразил от лица Наполеона: «ни одной бесцельной жестокости – и совсем беспощадный массовой террор, реки крови, горы трупов, если это политически целесообразно»⁴⁵.

Применение силы, подчеркивал вместе с тем Тарле, должно быть осмысленным, сочетаться с пониманием реальности. Так, судьбы Германской империи оказались для историка поучительным примером возмездия за национальное ослепление и великодержавное самообольщение. Живописуя бурный экономический подъем и усиление военной мощи Германии, проявившееся в победах 1860–1870-х годов, ученый указывал на эйфорию побед, объявившую широкие круги немецкого общества и приведшую к катастрофе⁴⁶.

Стоит ли спорить, что в жизнеописании Наполеона есть отпечаток, возможно, не всегда осознанный автором, облика другой, более близкой во времени и пространстве, исторической личности, и этот тип правителя отразился в портрете французского императора? Образ императора создавался не без впечатления, которое производили на историка личность и путь к власти кремлевского диктатора. Может быть, опосредованно – через восприятие этой личности в пору расцвета ее культа в советском обществе. Сопровождавшееся беспощадным подавлением внутрипартийной оппозиции и инициированными властью социальными катаклизмами восхождение Сталина к единоличной власти и формирование у историка концепции самодержавного правителя как бы пересеклись в биографии Наполеона, созданной Тарле.

Категорически не согласен с суждением, что лучшие работы Тарле были написаны до революции⁴⁷. Не разделяю также мнение об исчерпанности творческого потенциала историка в послевоенный период. Книга, посвященная Екатерине II, при идеологических издержках времени обещала стать значительным произведением, достойным пера выдающегося историка. Я бы не стал называть написанные главы «печальным памятником увядющему таланту историка»⁴⁸. Помешали завершению, убежден, не упадок сил, а очередной «наезд» на автора в удушливой атмосфере «космополитчины» и в первую очередь прямой сталинский заказ на военно-патриотическую трилогию, в коей царице не было места⁴⁹.

А «Наполеон», спустя десятилетия, при новых знаниях и новой современной реальности остается шедевром историко-биографической литературы, где вполне выявились и эрудиция, и мастерство, и художественный талант автора. Не подлежит сомнению и влияние произведения Тарле на национальное историческое сознание. Заметим, французский император олицетворял универсальный, наднациональный тип героической личности. И задолго до Тарле попал на отечественный исторический пьедестал⁵⁰; однако не в малой мере благодаря творчеству академика закрепился в российском сознании.

⁴⁴ Тарле Е.В. Двенадцатый час // День. 26.VII.1917.

⁴⁵ Тарле Е.В. Наполеон. М., 1936. С. 69–70.

⁴⁶ В статье под выразительным названием «Три катастрофы: Вестфальский мир, Тильзитский мир, Версальский мир» (Тарле Е.В. Россия и Запад. С. 40–91).

⁴⁷ Такое мнение, в частности, поведал своему собеседнику и ученику В.М. Далин (*Poghosyan V. Sur l'historiographie russe contemporaine de la Révolution française et de l'Empire napoléonien*. М., 2020. P. 133).

⁴⁸ Анисимов О.В. Указ. соч.

⁴⁹ См.: Каганович Б.С. Указ. соч. С. 263–280.

⁵⁰ Симптоматична роль в формировании наполеоновской легенды русских офицеров, для которых император был прежде всего доблестным воином (См.: Ивченко Л.Л. Наполеон глазами офицеров русской армии // Французский ежегодник. 2013. М., 2013. С. 201–223).

Манфред в предисловии к своему труду писал: «В течение многих лет, работая над наполеоновской темой, я не считал себя морально вправе публиковать что-либо по этой проблематике»⁵¹. Что же побудило снять табу? Манфред противопоставлял свой труд тем, кто изображал Наполеона «чуть ли не с детских лет» «монархом в потенции», «прирожденным монархом», а вольнолюбивые идеи его юности рассматривал как мимикию дельца и карьериста, изначально стремившегося к единоличной власти. Справедливо Манфред связал свою переоценку с изменением общественного сознания, настроений и вкусов общества.

Культ деспотичной личности диктатора, доминировавший во время написания Тарле биографии Наполеона, подвергся эрозии. «Миновало более тридцати пяти лет... Мир во многом стал иным, и поколение 70-х годов XX века... видит и воспринимает многое иначе, чем люди 30-х годов». Между тем «в силу многих причин общественный интерес к наполеоновской проблематике не исчезает⁵², и, видимо, каждое новое поколение стремится по-своему осмыслить эту старую, но не состарившуюся тему»⁵³.

Можно добавить, что интерес к теме сохраняется и в первые десятилетия XXI в. Не в последнюю очередь это интерес к проблематике власти и к тем, кто ее олицетворяет.

Библиография

- Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014.
- Адамов Е. Е.* Тарле. «Наполеон» // Исторический журнал. 1937. № 3–4. С. 242–245.
- Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1–2. СПб., 1998.
- Анисимов О.В. Е.В. Тарле: личное отношение (Б.С. Каганович. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени.* 2014. № 12. С. 260–269.
- Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В.* Французская революция. М., 2020.
- Гордон А.В.* Великая французская революция в советской историографии. М., 2009.
- Далин В.М.* Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981.
- Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И.* Евгений Викторович Тарле: человек в тисках беззакония // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 108–127.
- Зайдель Г.С., Цвибак М.М.* Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы. М.; Л., 1931.
- Ивченко Л.Л.* Наполеон глазами офицеров русской армии // Французский ежегодник. 2013. М., 2013. С. 201–223.
- Кен О.Н.* «Работа по истории» и стратегия авторитаризма, 1935–1937 гг. // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. СПб., 1997. С. 108–117.
- Константинов А.* История и современность (по поводу книги Е. Тарле «Наполеон») // Правда. 10.VI.1937.
- Кутузов Дм.* Против фальсификации истории // Известия. 10.VI.1937.
- Лукин Н.М.* Избранные труды: в 3-х т. Т. 1. М., 1960.
- Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М., 1972.
- Наумов Н.* «Талейран» // Литературное обозрение. 1939. № 23. С. 57–59.
- Постникова А.А.* Великая армия Наполеона на Березине: событие – память. СПб., 2014.
- Рубинский Ю.И. А.З. Манфред и Франция //* Французский ежегодник. 2006. М., 2006. С. 37–45.
- Сторицкий П.Е. Е. Тарле и его «Талейран» //* Литературный современник. 1940. № 1. С. 141–144.
- Суворов А.В.* Письма / сост. В.С. Лопатин. М., 1987.
- Тарле Е. В.* Россия и Запад. Из неопубликованного и забытого / сост., подгот. к печати, вступ. статья и коммент. Б.С. Кагановича. СПб., 2020.
- Тарле Е.* Еще о Талейране // Литературная газета. 30.IX.1939.
- Тарле Е.В.* Двенадцатый час // День. 26.VII.1917.
- Тарле Е.В.* Сочинения: в 12-ти т. М., 1957–1962.
- Шапиро А.Л.* Мои встречи с Е.В. Тарле // Тарле Е.В. Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/20000187/st058.shtml> (дата обращения: 25.10.2024).
- Poghosyan V.* Sur l'historiographie russe contemporaine de la Révolution française et de l'Empire napoléonien. М., 2020.

⁵¹ Манфред А.З. Указ. соч. С. 4.

⁵² В.М. Далину обсуждение книги А.З. Манфреда в Политехническом музее напомнило 20-е годы, выступление в этом зале В.В. Маяковского (*Далин В.М. Историки Франции. XIX–XX веков.* М., 1981. С. 302).

⁵³ Манфред А.З. Указ. соч. С. 4–5.

References

- Adamov E.E.* Tarle. "Napoleon" // Istoricheskiy zhurnal [Historical Journal]. 1937. № 3–4. S. 242–245. (In Russ.) Akademicheskoye delo 1929–1931 gg. Dokumenty i materialy sledstvennogo dela sfabrikovannogo OGPU. Vyp. 2. Delo po obvineniyu akademika E.V. Tarle [Academic case 1929–1931. Documents and materials of the investigative case fabricated by the OGPU. Iss. 2. Case against academician E.V. Tarle]. Pt. 1–2. Sankt-Peterburg, 1998. (In Russ.)
- Anisimov O.V.* Tarle: lichnoe otnoshenie (B.S. Kaganovich. Evgenii Viktorovich Tarle. Istorik i vremia. SPb., 2014) [Tarle: personal attitude (B.S. Kaganovich. Evgeny Viktorovich Tarle. The historian and the time. St. Petersburg, 2014)] // Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni [Proceedings of the Department of History of Modern and Modern Times]. 2014. № 12. S. 260–269. (In Russ.)
- Bovkin D.Yu.* Chudinov A.V. Frantsuzskaya revolyutsiya [The French Revolution]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Dalin V.M.* Istoriki Frantsii XIX–XX vekov [Historians of France of the 19th–20th Centuries]. Moskva, 1981. (In Russ.)
- Dunayevskiy V.A., Chapkevich E.I.* Evgenny Viktorovich Tarle: chelovek v tiskakh bezzakoniya [Evgenny Viktorovich Tarle: a man in the grip of lawlessness] // Tragicheskiye sud'by: represirovannyye uchenyye Akademii nauk SSSR [Tragic fates: repressed scientists of the USSR Academy of Sciences]. Moskva, 1995. S. 108–127. (In Russ.)
- Gordon A.V.* Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya v sovetskoy istoriografii [The Great French Revolution in Soviet Historiography]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Ivchenko L.L.* Napoleon glazami ofitserov russkoy armii [Napoleon through the eyes of officers of the Russian army] // Frantsuzskiy yezhegodnik [Annual of French Studies]. 2013. S. 201–223. (In Russ.)
- Kaganovich B.S.* Evgenny Viktorovich Tarle. Istorik i vremya [Evgenny Viktorovich Tarle. The historian and time]. Sankt-Peterburg, 2014. (In Russ.)
- Ken O.N.* "Rabota po istorii" i strategiya avtoritarizma, 1935–1937 gg. [Work on history" and the strategy of authoritarianism, 1935–1937] // Lichnost' i vlast' v istorii Rossii XIX–XX vv [Personality and power in the history of Russia in the 19th–20th centuries]. Sankt-Peterburg, 1997. S. 108–117. (In Russ.)
- Konstantinov A.* Istoryya i sovremennost' (Po povodu knigi E. Tarle "Napoleon") [History and Modernity (Regarding E. Tarle's book "Napoleon")] // Pravda [Pravda newspaper]. 10.VI.1937. (In Russ.)
- Kutuzov Dm.* Protiv falsifikatsii istorii [Against the Falsification of History] // Izvestiya [Izvestia newspaper]. 10.VI.1937. (In Russ.)
- Lukin N.M.* Izbrannyye Trudy [Selected Works]: v 3 t. Vol. 1. Moskva, 1960. (In Russ.)
- Manfred A.Z.* Napoleon Bonapart [Napoleon Bonaparte]. Moskva, 1972. (In Russ.)
- Naumov N.* "Taleyran" // Literaturnoe obozreniye [Literary Review]. 1939. № 23. S. 57–59. (In Russ.)
- Postnikova A.A.* Velikaya armiya Napoleona na Berezine: sobystie – pamyat' [Napoleon's Great Army on the Berezina: event – memory]. Sankt-Peterburg, 2014. (In Russ.)
- Rubinskiy Yu.I. A.Z. Manfred i Frantsiya* [A.Z. Manfred and France] // Frantsuzskiy yezhegodnik [Annual of French Studies]. Moskva, 2006. S. 37–45. (In Russ.)
- Shapiro A.L.* Moi vstrechi s E.V. Tarle [My meetings with E.V. Tarle] // Tarle E.V. Iz literaturnogo naslediya akademika E.V. Tarle [From the literary heritage of academician E.V. Tarle]. Moskva, 1981. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000187/st058.shtml> (access date: 25.10.2024). (In Russ.)
- Storitsyn P.E.* E. Tarle i yego "Taleyran" [E. Tarle and his "Talleyrand"] // Literaturnuy sovremennik [A literary contemporary]. 1940. № 1. S. 141–144. (In Russ.)
- Suvorov A.V.* Pis'ma [Letters] / sost. V.S. Lopatin. Moskva, 1986. (In Russ.)
- Tarle E.* Yeshche o Taleyrane [More about Talleyrand] // Literaturnay gazeta [Literary newspaper]. 30.IX.1939. S. 5. (In Russ.)
- Tarle E.V.* Dvenadtsatyy chas [The Twelfth Hour] // Den' [Day]. 26.VII.1917. (In Russ.)
- Tarle E.V.* Rossiya i Zapad. Iz neopublikovannogo i zabytogo [Russia and the West. From the unpublished and forgotten] / sost., podgot. k pechat, vstop. stat'ya i komment. B.S. Kaganovicha. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)
- Tarle E.V.* Sochineniya [Works]: v 12 t. Moskva, 1957–1962. (In Russ.)
- Zaydel G.S., Tsvibak M.M.* Klassovyy vrag na istoricheskem fronte. Tarle i Platonov i ikh shkoly [Class enemy on the historical front. Tarle and Platonov and their schools]. Moskva; Leningrad, 1931. (In Russ.)
- Poghosyan V.* Sur l'istoriographie russe contemporaine de la Révolution française et de l'Empire napoléonien. Moscow, 2020.